

Е. А. Ключикова

ORCID: 0000-0003-0650-9126

✉ kliuikova25@gmail.com*Пермский государственный национальный
исследовательский университет (Россия, Пермь)*

КОРЕЙСКОЕ ХАН И ДИАСПОРАЛЬНАЯ МЕЛАНХОЛИЯ

Аннотация. Статья посвящена понятию меланхолии, применяемому в психоаналитических, гендерных и постколониальных исследованиях, в контексте изучения диаспоры и ее литературы. Диаспоральная меланхолия связывается исследователями с травмирующими событиями исторического прошлого диаспоры и утратой исторической родины, мыслимой в качестве идеальной абстракции. В то же время в исследованиях литературы корейской диаспоры в США в качестве альтернативного «меланхолии» термина часто используется культурно и политически маркированное понятие *хан*, как правило обозначающее сочетание гнева, печали и отчаяния. Значение коллективного национального эмоционального состояния возникает у понятия *хан* не раньше колониального периода, однако именно это значение становится востребованным как в Южной Корее (в учениях некоторых христианских церквей и сфере искусства), так и у корейской диаспоры в США — в литературных текстах и научных работах. В этих работах *хан* воспринимается как врожденное чувство, определяющее этническую идентичность, и несет в себе неустранимый даже во втором поколении остаток памяти об исторической родине, препятствующий ассимиляции в американском обществе.

Ключевые слова: меланхолия, скорбь, *хан*, диаспоральные исследования, корейская диаспора, *минджун*, *пхансори*

Для цитирования: Ключикова Е. А. Корейское *хан* и диаспоральная меланхолия // Шаги/Steps. Т. 9. № 4. 2023. С. 315–328. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-4-315-328>.

Статья поступила в редакцию 15 мая 2023 г.

Принято к печати 30 июня 2023 г.

E. A. Kliuikova

ORCID: 0000-0003-0650-9126

✉ kliuikova25@gmail.com

Perm State University
(Russia, Perm)

KOREAN *HAN* AND DIASPORAL MELANCHOLIA

Abstract. The article is devoted to the Freudian term melancholia, which is widely used in psychoanalysis, gender studies and postcolonial studies, and is also applied to diaspora studies. Scholars link diasporic melancholia with the traumatic experience of diaspora history and loss of the homeland, which is thought of as an ideal abstraction. At the same time, in studies of Korean-Americans' literature, the word *han* is often used instead of the term 'melancholia', despite the fact that the scholars cite works by Freud and Judith Butler. *Han* is a Korean politically and culturally labeled term of emotion which denotes a combination of rage, sadness and despair. The meaning of *han* as a collective emotional state was not developed until the colonial period (1910–1945), however, this meaning became essential in South Korea, where it is used in the doctrine of some Christian churches (as so-called *minjung* theology) and in the realm of art. Among Korean-Americans *han* also became a popular concept in literary autobiographies and academic papers. In these works, *han* is interpreted as an inherent emotion which defines ethnic and cultural identity. Even for the second generation *han* carries inexpungible remains of memory of the lost homeland, and this interferes with assimilation into American society.

Keywords: melancholia, mourning, *han*, diaspora studies, Korean diaspora, *minjung*, *pansori*

To cite this article: Kliuikova, E. A. (2023). Korean *han* and diasporal melancholia. *Shagi / Steps*, 9(4), 315–328. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-4-315-328>.

Received May 15, 2023

Accepted June 30, 2023

Работа с литературой корейской диаспоры потребовала от меня поиска подходящего теоретического аппарата. Отчасти он был найден в области диаспоральных исследований. В то же время я обратилась к работам, посвященным англоязычной литературе корейской диаспоры в США. При сопоставлении исследований диаспоры в целом и корейской диаспоры в частности обнаружилось особенности текстов, связанные в первую очередь с языком описания диаспоры, а именно с использованием понятия «меланхолия» и корейского термина *хан*, который отчасти может быть назван его заместителем.

Понятие меланхолии в современных работах восходит к эссе Зигмунда Фрейда «Скорбь и меланхолия» (1917). Скорбь рассматривается Фрейдом как реакция на утрату объекта — человека или некоей абстракции (родины, идеала и т. д.). Работа скорби состоит в постепенном высвобождении либидо от связи с этим объектом, в результате которой Я освобождается.

Меланхолия тоже может быть реакцией на утрату, но утрату более идеальную — когда потерян объект (и его потеря осознается), но в то же время остается неясным, что же именно было утрачено. Если при скорби мир опустошается при утрате объекта, то при меланхолии за счет фиксации на объекте оскудевает само Я, снижается чувство собственного достоинства, меланхолик начинает изводить себя упреками и самобичеванием. Фрейд связывает меланхолию с «с неосознанной утратой объекта, в отличие от скорби, при которой в утраченном нет ничего бессознательного» [Фрейд 1995: 253].

Для развития меланхолии чрезвычайно важным является амбивалентное отношение к объекту — любовь и ненависть. Именно из-за того что меланхолик не может отказаться от утраченного объекта, он делает его частью собственного эго. В то же время поскольку он и ненавидит утраченный объект, который уже стал частью его собственного Я, меланхолик начинает переносить ненависть на себя, что и запускает меланхолию.

Фрейд рассматривал скорбь как здоровое проявление психики, обладающее культурной продуктивностью, тогда как меланхолия имела для него исключительно патологическое измерение.

Понятие меланхолии оказалось приложимым к различным направлениям критических исследований. Так, Джудит Батлер разрабатывает теорию меланхолийного гендера, согласно которой момент определения гендера ведет к неосознанному отказу от прочих психологических и социальных потенциалов и, таким образом, к неизбежной меланхолии: «Но что происходит, когда определенное перекрывание любви становится условием возможности социального существования? Разве это не производит социальность, пораженную меланхолией, социальность, в которой утрата не может быть оплакана, поскольку не может быть признана утратой, поскольку то, что утрачено, никогда не имело полномочий на существование?» [Батлер 2002: 33].

Однако прежде чем перейти непосредственно к диаспоральному измерению меланхолии, обратимся к статье Славоя Жижека «Меланхолия и действии». Определяя меланхолию, Жижек пишет о том, что она первична по отношению к скорби. Работа скорби по освобождению Я воспринимается им как предательство объекта: «Скорбь — это своего рода предательство, второе убийство (утраченного) объекта, тогда как меланхолия остается верной утраченному объекту, отказываясь отречься от его или ее привязанности к нему»

[Žižek 2000: 658]. Жижек предлагает не путать нехватку и потерю («...меланхолия истолковывает нехватку как потерю, как если бы недостающим объектом некогда обладали, а затем потеряли» [Ibid.: 659–660]). Меланхолия, таким образом, указывает не столько на привязанность к объекту, сколько на «привязанность к самому жесту его утраты» [Ibid.: 660].

В то же время Жижек обращается к использованию меланхолии этническими группами, которые, находясь под угрозой поглощения глобальным капитализмом, должны не отречься от своего происхождения и прошлого через работу скорби, а сохранять меланхолическую привязанность к утраченным корням. Жижек указывает на цинизм, с которым постколониальные исследования эксплуатируют понятие меланхолии. В постколониальной ностальгии оказывается важным не то, что это «утопическая мечта о мире, которого они (диаспоры. — *Е. К.*) никогда не имели, а то, как эта мечта используется для легитимации обратного — полного и беспрепятственного участия в глобальном капитализме» [Žižek 2000: 659].

Дальнейшие исследования меланхолии постколониальных сообществ хоть и цитируют это высказывание Жижека, но продолжают пользоваться термином «меланхолия», отрицая заявленное цинично-утилитарное применение. Так, литературовед Ранджана Ханна отмечает, что меланхолия в принципе «присуща области постколониальных исследований и всегда была ее движущей силой» [Khanna 2006]. Если для Калпаны Сешадри-Крукс, от мнения которой Ханна отталкивается, это связано с институционализацией постколониальных исследований, приобретением ими статуса в академической среде, что диссонировало с отключенным от привилегий объектом их исследований [Seshadri-Crooks 2000: 19], то для Ханны признаком меланхолийности этой сферы исследований является неустранимая возможность для критики всей области, в том числе и от самих исследователей постколониальности: «В самом деле, крайне затруднительно найти кого-то, кто поддерживал бы термин “постколониальный”, или кто не был бы критичен по отношению к некоторым заявлениям в этой области, или осторожен к кажущейся новизне того, что она объявляет» [Khanna 2006].

Меланхолия, будучи, с одной стороны, неотторжимой частью постколониальных исследований, а с другой — критическим инструментом, с помощью которого можно вскрывать «ложь, присущую современным представлениям о суверенитете», воспринимается как надежда на будущее развитие области [Khanna 2006].

Диаспоральные исследования, близкие постколониальным, также активно подключают термин «меланхолия» к анализу диаспоральной идентичности. Часть подобных работ строится на анализе художественных текстов авторов, принадлежащих диаспоре. Так, Виджай Мишра, исследуя литературу индийской диаспоры, пишет о том, что если внимательно изучить характеристики меланхолии у Фрейда, то можно поразиться, насколько соответствует меланхолия памяти диаспоры о родине. Он предполагает, что «диаспоральное воображаемое — это состояние (и воображаемое здесь — ключевой термин) невозможной скорби, которая трансформирует скорбь в меланхолию» [Mishra 2007: 9]. Мишра также отмечает, что «те стадии, которые определяют меланхолию (сначала утрата объекта, затем амбивалентные отношения с утратой и, нако-

нец, регрессия либидо внутрь эго) также параллельны стадиям жизни диаспорального субъекта» [Mishra 2007: 10]. Соответственно, меланхолия диаспоральных субъектов развивается в связи с представлениями об исторической родине, всегда не соответствующими реальности. Жижек указывает на то, что ряд предметов в сознании меланхолика структурирован вокруг пустоты. Если эта пустота обнаруживает себя, то реальность для меланхолика распадается и, чтобы сохранить ее, необходимо поставить в центр этой пустоты один из элементов реальности, «лакановский *objet petit a*» [Žižek 2000: 663]. В диаспоральных исследованиях в качестве этого объекта предлагается воспринимать представление/миф об исторической родине. Диаспоральная меланхолия, таким образом, оказывается связана с моментом травмы и историческими реалиями, ее порождающими.

В диаспоральном контексте упомянутая ранее амбивалентность объекта (утраченной родины) связана с состоянием изгнания/отчужденности от родины и в то же время с желанием вернуться. Важно, однако, что желаемая родина в воображении диаспорального субъекта никогда не соответствует родине в реальности. Виджай Мишра также отмечает, что «диаспора конструирует родину способами, крайне далекими от тех, которыми жители этой родины конструируют себя» [Mishra 2007: 18].

Представление о родине диаспоры, пишет далее Мишра, одновременно важно не только для самой диаспоры, но и для «принимающего» сообщества, так как оно определяет и сохраняет представление о чужеродности диаспоры.

Диаспоральную меланхолию напрямую связывают с расовой проблематикой. Так, Джудит Батлер еще в интервью 1999 г. предлагает исследовать меланхолийную проблематику расовой истории: «...помимо того, что история расы связана с историей диаспоральных смещений, мне кажется, что там есть меланхолия, что там как будто есть вписанный в “расу” потерянный и неоплачиваемый источник, своего рода невозможность возвращения, но также и невозможность сущности (*essence*)» [Bell 1999: 169–170].

Американские социологи Дэвид Л. Энг и Синхи Хан обращаются к понятию расовой меланхолии (*racial melancholia*) для интерпретации социального положения американцев азиатского происхождения, относящихся к поколению X, с которого как раз начинается наиболее массовый процесс образовательной эмиграции; кроме того, именно к этому поколению относится второе поколение корейских эмигрантов, уехавших в США после Корейской войны.

Как и авторы, анализирующие другие диаспоры, Энг и Синхи Хан ставят целью депатологизировать меланхолию, рассмотреть ее не как индивидуальный процесс, а как «коллективную социальную операцию» [Eng, Han 2019: 37]. В то же время они отмечают, что, хоть меланхолия непатологична для американцев азиатского происхождения, которые ее переживают, само наличие азиатских расовых субъектов воспринимается как патология для американского общества, независимо от того, изображаются они как «зловещая желтая угроза или как вызывающее восхищение образцовое меньшинство» [Ibid.]. Отчасти именно сомнения «белого» общества в возможности принятия американцев азиатского происхождения как равноправной части «плавильного котла» порождают меланхолию у последних. Авторы переносят патологию с отчужденного субъекта на привилегированное принимающее общество.

Таким образом, «меланхолия» как рабочий термин пересекающихся сфер постколониальных, диаспоральных и расовых исследований депатологизируется и диверсифицируется. Меланхолийным воображаемым начинает обладать и условное большинство, которое, в свою очередь, воспринимается как более патологичное, чем меньшинства.

Корейское *хан*: происхождение и использование

Перейдем непосредственно к корейскому контексту. Дело в том, что в литературоведческих исследованиях, а также в культурологических или социологических работах, которые в качестве материала используют литературные произведения, написанные представителями корейской диаспоры, очень редко используется термин «меланхолия». Если этим понятием оперируют исследователи литературы индийской, арабской или еврейской диаспоры, то корейские авторы (неважно, из США или Кореи) зачастую используют понятие *хан*.

Слово *хан* (恨) имеет китайское происхождение и обладает несколькими значениями, в совокупности которых, по-видимому, и сложился культурный концепт.

Первое значение слова *хан* связано с индивидуальными печалью и скорбью. В этом значении термин *хан* использовался в корейской литературе и до XX в. Так, А. Ф. Троцевич упоминает «внутреннее ощущение» *хан* при обзоре поэтического творчества «Трех уединившихся» (XIV в.) — ощущение «“страдания”, “тоски”, “чувства абсолютного бессилия”, которое, как замечают корейские исследователи, и сегодня так свойственно творчеству корейских писателей» [Троцевич 2004: 89]. Это состояние отчасти вызвано и политическими событиями, что впоследствии станет особенно важно. В этом значении *хан* используется как термин, означающий эмоциональную выразительность в народном корейском музыкальном искусстве *пхансори*, которое окончательно сложилось, по-видимому, в XIX в.; «...*хан* кажется одним из важнейших выразительных элементов при исполнении напряженных и драматических фрагментов *пхансори*» [Mesogio et al. 2021: 9].

Второй контекст употребления этого слова этнографический и связан с корейским шаманизмом. Обряд общения с духом (禳, *кун*) включает часть, которая называется *ханпхури*. Элемент *пхури* в данном контексте означает ‘решать, разрешать, развязывать’, т. е. *ханпхури* буквально означает «разрешить *хан*»: это ритуал освобождения духа от его скорбей и страданий. *Хан* в этом случае записывается тем же иероглифом 恨. Следует отметить, что большинство публикаций, в которых описывается *ханпхури*, посвящены уже поздним историческим коллективным переживаниям корейцев и их разрешению в контексте теологии *минчжун*, которая сформировалась в Республике Корея в период президентства Пак Чонхи.

Значение коллективной эмоции, коллективной специфически корейской скорби и чувства утраты появилось, по-видимому, незадолго до колониального периода, когда возникла острая потребность в обособлении своей культуры, себя от японского влияния. Корейский историк и культуролог Пак Мёнкю также указывает на то, что в конце XIX и первой трети XX в. эмоциональный код, основанный на неоконфуцианской морали, стремительно ослабевал, тог-

да как *хан*, «специфическое корейское психологическое свойство, сложенное из чувств сожаления, скорби и фрустрации, стало высоко социализировано» [Park 2015: 269].

Британский культуролог корейского происхождения Майкл Шин прямо помещает превращение *хан* в коллективную эмоцию в колониальный период. Он обращается к роману одного из первых корейских новых прозаиков Ли Гвансу «Бессердечный» (무정, 1917), где обнаруживает трансформацию *хан*: «*Хан* первоначально был чем-то, что Ёнчэ (героиня романа. — Е. К.) переживала в одиночку, но затем реакции персонажей предполагают, что они разделили и интернализировали его — параллельно с опытом читателей романа. Как только *хан* Ёнчэ распространяется среди персонажей, он проявляет себя и вовне» [Shin 2018: para. 3]. Одним из катализаторов проявления и популяризации *хан* в колониальный период Шин считает смерть последнего императора Корейской империи Сунджона. Похороны Сунджона 10 июня 1926 г. вылились в так называемое антиколониальное движение 10 июня; они «продемонстрировали, как *хан* функционировало в качестве способа идентификации с нацией. Ассоциация с *хан* предполагает, что народ воспринял его смерть как травматическое напоминание об утрате страны, некоторые описания даже изображали это как признак конца Чосонской цивилизации» [Ibid.: para. 7].

В то же время Сандра Ким, опираясь на работы, посвященные японской литературе 1910–1930-х годов, возводит появление идеи *хан* как корейской национальной черты к возникшим в японской печати колониального периода представлениям о том, что корейское искусство выражает «красоту скорби» (beauty of sorrow, *hiai no bi*) [Kim 2017: 260]. Это представление, с одной стороны, распространялось в японской печати, что позволяло, несмотря на политику «единых корней», несколько экзотизировать корейцев, а с другой стороны, оно было воспринято корейскими активистами движения за независимость, поскольку давало возможность отделить себя от навязывавшейся японской идентичности.

Особую популярность понятие *хан* как обозначение коллективного явления получает после Корейской войны и преимущественно, если не исключительно, к югу от 38-й параллели. Например, оно используется в проповеднической практике в некоторых корейских протестантских церквях. Например, в 1970-е годы в период президентства Пак Чонхи развивается так называемая теология *минджун* («богословие угнетенных»). Понятие *минджун* (민중) в данном контексте означает как корейский народ в целом, на протяжении всей своей истории угнетаемый зарубежными странами и собственными правителями и начальниками, так и отдельные угнетенные социальные группы [Lee 1996; Park 2019]. По словам теолога Пола С. Чуна, «...теология минчжун устанавливает свою цель, прислушиваясь к протесту (корейский термин для этого — *хан*, обозначающий совокупное и корпоративное чувство жертвы) тех, кто отчужден, угнетен, подавлен и маргинализирован в обществе» [Chung 2009: 188]. Для этой национальной корейской церкви *хан* приобретает значение сочетания скорби и гнева, который владеет угнетенными *минджун* и который проповедник должен разрешить. Американско-корейский богослов Саниль Пак сравнивает проповедников с шаманами, проводящими обряд *ханпхури*. По его мнению, *ханпхури* (разрешение *хан*) необходимо всем корейцам, а

потому «шаман должен быть священником для всего народа» [Park 2008: 25]. Разрешение *хан* в обряде происходит при помощи нарратива, который является частью *кута*, и именно на этот элемент Саниль Пак рекомендует обратить внимание проповедникам — приверженцам теологии *минджун*: «рассказывая истории одновременно о своем *хан* и о *хан* слушающих, шаман, священник приводит людей к излечению от их *хан*» [Ibid.: 26].

Хан в понимании теологов *минджун* является ответом на угнетение. Когда угнетение становится невыносимым и не устраняется, *хан* становится сильнее и вызывает атаки гнева у угнетенного. Подобное понимание *хан* характерно для южнокорейской традиции. Крайней степенью *хан* считается болезнь *хвабён* («огненная болезнь, гневная болезнь») — психическое расстройство, которое рассматривается как специфически корейское, вызываемое долгим нахождением в стрессовой ситуации, результат длительной подверженности социальной агрессии, с которым преимущественно женщины среднего возраста даже в эмиграции обращались к американским психиатрам [Chung Pang 1990; Min 2009].

Хан или меланхолия?

Несколько иная трактовка *хан* обнаруживается в диаспоральном контексте — *хан* воспринимается как часть корейской идентичности, которая не дает раствориться в иноэтничном окружении.

Единичные случаи эмиграции корейцев в США известны и в первой половине XX в. Так, первым корейским автором-эмигрантом, писавшем на английском языке, считается Кан Ёнхиль. Наиболее известны два его романа: «Травяная крыша» (Grass Roof, 1931) и «Восток идет на Запад» (East Goes West, 1937). Массово корейская диаспора в Америке начала формироваться после Корейской войны. Значительную часть эмигрантов 1950 — начала 1960-х годов составляли женщины, вышедшие замуж за американских военных, вслед за которыми переехали члены их семей. Грейс Чо отмечает, что невесты военных и их родственники составляли около половины этнических корейцев в Соединенных Штатах» [Cho 2008: 23]. В 1960-е годы в США переезжали уже и молодые люди с целью получить образование, затем и готовые специалисты, получившие образование в Корее.

Обращение к *хан* обнаруживается в литературе американских корейцев второй половины 1990-х — 2000-х годов. В этот период появляются автобиографические романы, мемуары, эссе авторов второго поколения переселенцев (Хайнс Инсу Фенкль, Нора Окчжа Келлер, Джейн Чон Тренка и др.), рефлексирующих о своем эмигрантском опыте, отчуждении от американского общества и от корейской исторической родины одновременно, о сложностях коммуникации с родственниками (преимущественно с матерями), а также о травматичной транспоколенческой памяти о Корейской войне.

Так, в романе Хайнса Инсу Фенкля «Воспоминания о моем призрачном брате» (Memories of My Ghost Brother, 1997) *хан* упоминается в контексте исполнения одной из женщин *пхансори*. Пение, в котором воплощается *хан*, производит на окружающих ошеломляющее воздействие, однако в то же время

это событие не является чем-то исключительным, это часть обычного выходного дня:

Внезапно мать Чонхи начала петь одна резким голосом, который шел из *хан* в глубине ее сердца. Пока она пела, слезы катились по ее лицу, ее голос дрожал, но она продолжала петь, пока песня не закончилась. Все женщины плакали, особенно Каннан. Мужчины смотрели вниз на деревянный пол, пряча влажность своих глаз, пока дождь и деревья шумели на улице. Все сидели тихо, пока плач не прекратился, и после все сказали матери Чонхи, какая она замечательная певица [Fenkl 1997: 22].

В автобиографическом романе Джейн Чон Тренка «Язык крови» (*The Language of Blood*, 2003) *хан* упоминается уже в современном значении врожденной корейской эмоции. Автор была усыновлена американцами, которые жили в провинциальном городе в Миннесоте, других корейцев в этом городе не было, и она все время ощущала тревогу и отчужденность, пока, наконец, в финале романа не поняла, что все это время в оторванности от исторической родины и семьи в ней «прорастало» *хан*:

Что должны были знать мои родители о неизбежном голосе памяти поколений, о расовой памяти, о ландшафте — если они никогда не были отделены от своего народа? Что они должны были знать о девочке, чье присутствие требовало от них больше, чем они когда-либо были готовы или способны дать? Они не знали этой эмоции или этого слова — *хан*, — но тем не менее оно поднималось с другой части Земли, через подошвы ее ступней, через ее ноги и тело как колонны здания и выкристаллизовывалось в тоске, которая застревала в горле, для которого новая и беспаятная жизнь становилась удавкой [Trenka 2003: 208].

На границе художественного текста и социологического исследования находится книга Грейс Чо «Преследуя корейскую диаспору: стыд, тайна и забытая война» (*Haunting the Korean Diaspora: Shame, Secrecy, and the Forgotten War*, 2008). В этой работе содержатся художественные фрагменты автобиографического характера, что позволяет тоже учитывать ее как своего рода эго-документ. Автор обращается к истории *янгонджю* — женщин, которые работали при американских военных базах, и рассматривает их как наследниц «женщин для утешения», которые оказались забыты в послевоенной корейской истории. Как правило, именно *янгонджю* (или *GI brides*) становились женами американских военных и переезжали с ними в США. Эти женщины оказываются носителями *хан*, которое будет перевезено ими в новую американскую жизнь:

Призрачные остатки *хан* янгонджю — это излишества, которые нельзя ассимилировать ни в доминирующий нарратив, такой как история азиатской ассимиляции или почетной белизны, ни в контрнарратив о трудностях корейских военных невест в Америке [Cho 2008: 161].

Обратим внимание на очевидные пересечения в описании *хан* с определением меланхолии. *Хан* воспринимается как неуловимая, но органическая часть корейского диаспорального субъекта в Америке, которая препятствует полной ассимиляции в принимающее общество. Грейс Чо ссылается в своей работе на труды и Фрейда, и Батлер, однако не использует понятие меланхолии, ситуативно выбирая для выражения подобного явления корейское обозначение.

Перечисляя случаи употребления слова *хан* в произведениях американских корейских авторов, Сандра Ким пишет, что *хан* появляется «как выражение одновременно опыта вечной чужеродности и психического влияния корейской истории на личные судьбы» [Kim 2017: 269]. Кроме того, она отмечает, что *хан* представляется корейским и американским авторам (таким, как К. Конни Кан, Ан Бёнсоп, Дэвид Бэннон) непереводаемым словом и непостижимой для иностранца исключительно корейской эмоцией. Тем не менее о *хан* зачастую пишут именно англоязычные корейские авторы.

Впервые *хан* поместил в психоаналитический контекст американский антрополог Рой Ричард Гринкер. Отталкиваясь от определения Фрейдом скорби, Гринкер определяет *хан* как «неспособность скорбеть» в том случае, если мы воспринимаем скорбь как примирение с нескончаемым потоком текущих травматических событий [Grinker 1998: 78]. Гринкер не упоминает меланхолию, но за него это позднее делает Майкл Шин, говоря о том, что «разница между скорбью и *хан* подобна разнице, которую Зигмунд Фрейд анализировал между скорбью и меланхолией» [Shin 2018: para. 7]. Однако исследователи корейской диаспоры используют именно *хан* в качестве термина для описания проблем диаспоральной идентичности и исторической памяти диаспоры.

Так, Соён Чу использует термин «*хан* постпамяти» (*postmemory han*) для описания переживания писателями второго поколения эмигрантов трагедии Корейской войны, через которую прошли их родители:

...если *хан* проблематично, то *хан* постпамяти, *хан*, которое течет в крови американцев корейского происхождения, бесконечно более проблематично. Американку корейского происхождения, принадлежащую второму поколению эмигрантов, могут преследовать страдания ее родителей, но ее будет преследовать и знание, что она сама не была прямой жертвой событий, которые к этому привели [Chu 2008: 98].

Таким образом, *хан*, о котором говорит Соён Чу, описывает ситуацию острых переживаний по поводу отсутствующего опыта, которым субъект никогда не обладал, что очень близко подходит к приводимым нами ранее определениям меланхолии.

Кроме этого, Соён Чу сравнивает опыт европейских эмигрантов, среди которых память о травмах первого поколения эмигрантов второму поколению уже не передается, несмотря на все старания, с корейскими эмигрантами, и это сравнение оказывается не в пользу легко забывающих прошлое европейцев:

Неважно, насколько старательно родители пытаются передать память о родине своим детям, живая текстура этих воспоминаний остается недоступной второму поколению [Chu 2008: 101].

У корейцев же транспоколенческая память преследует и второе поколение эмигрантов: «...корейские эмигранты стараются избежать обсуждения опыта своего выживания, и, тем не менее, их опыт все равно преследует второе поколение» [Chu 2008: 101–102]. Соён Чу воспринимает *хан* как примордиальную корейскую черту, которая определяет устойчивость транспоколенческой памяти «вне зависимости от того, дает ли на него согласие родитель (или ребенок)» [Ibid.: 102].

Наконец, свой вариант встраивания *хан* в терминологическую базу (в определенном смысле логически завершающий) предложила Дженнифер Чо, используя окказиональный термин «ме-хан-холия» (*mel-han-cholia*). Автор обращается к анализу экспериментального романа американки корейского происхождения Терезы Ча Хаккён «Диктант» (*Dictée*, 1982). Роман представляет собой сложную конструкцию, включающую стихотворные, прозаические, графические и документальные фрагменты, посвященные историческим фигурам (таким, как Жанна д'Арк, героиня Первомайского восстания Ю Гвансун), собственной матери, вымышленным персонажам. Дженнифер Чо воспринимает роман традиционно в контексте пересборки идентичности автора и обнаруживает в этом процессе неисчезающий остаток — *хан*:

...невозможность когда-либо полностью эвакуировать корейское диаспорное сознание *хан* говорит о его способности изменять форму. Неразрешимое по своей природе, *хан* может постоянно переделывать и переопределять себя, чтобы избежать надвигающегося момента окончательного разрешения и перевода в символический регистр нации, который работает на исцеление и стирание культурных различий [Cho 2011: 39].

Сопrotивление, которое *хан* оказывает при ассимиляции в новом обществе, с одной стороны, порождает меланхолию, а с другой — дает творческий импульс и позволяет сохранить память об исторической родине.

Хан в исследованиях американской корейской диаспоры активно включается в академические нарративы, где в ряде работ приобретает статус термина. Этот факт, на мой взгляд, несколько парадоксален из-за очевидного колониального происхождения значения *хан* как коллективной эмоции. В то же время этот термин, постулируемый как непереводаемый и незаменимый, позволяет авторам академической и художественной литературы о корейской диаспоре выделить ее среди других и указать на ее уникальный опыт. Тем не менее *хан* по своему значению оказывается идентично диаспоральной меланхолии, как ее понимают исследователи постколониального дискурса, — это тот самый неассимилируемый остаток, обеспечивающий верность утраченному объекту.

Источники

Fenkl 1997 — Fenkl H. I. *Memories of my ghost brother*. New York: Plume, 1997.

Trenka 2003 — Trenka J. J. *The language of blood: A memoir*. St. Paul, Minnesota: Borealis Books, 2003.

Литература

- Батлер 2002 — *Батлер Дж.* Психика власти: теории субъекции / Пер. З. Баблюна. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002.
- Троцевич 2004 — *Троцевич А. Ф.* История корейской традиционной литературы (до XX в.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004.
- Фрейд 1995 — *Фрейд З.* Скорбь и меланхолия // Фрейд З. Художник и фантазирование: Сб. / Пер. с нем. Р. Ф. Додельцева и др. М.: Республика, 1995. С. 252–259.
- Bell 1999 — *Bell V.* On speech, race and melancholia: An interview with Judith Butler // *Theory, Culture & Society*. Vol. 16. No. 2. 1999. P. 163–174. <https://doi.org/10.1177/02632769922050593>.
- Cho 2008 — *Cho G. M.* Haunting the Korean diaspora: Shame, secrecy, and the forgotten war. Minneapolis; London: Univ. of Minnesota Press, 2008.
- Cho 2011 — *Cho J.* Mel-han-choia as political practice in Theresa Hak Kyung Cha's *Dictée* // *Meridians*. Vol. 11. No. 1. 2011. P. 36–61. <https://doi.org/10.2979/meridians.11.1.36>.
- Chu 2008 — *Chu S.-Y.* Science fiction and postmemory han in contemporary Korean American literature // *MELUS*. Vol. 33. No. 4. 2008. P. 97–121. <https://doi.org/10.17613/1qnm-a892>.
- Chung 2009 — *Chung P. S.* Constructing irregular theology: Bamboo and Minjung in East Asian perspective. Leiden; Boston: Brill, 2009.
- Chung Pang 1990 — *Chung Pang K. Y.* Hwabyung: The construction of a Korean popular illness among Korean elderly immigrant women in the United States // *Culture, Medicine and Psychiatry*. Vol. 14. No. 4. 1990. P. 495–512. <https://doi.org/10.1007/BF00050823>.
- Eng, Han 2019 — *Eng D. L., Han Sh.* Racial melancholia, racial dissociation: On the social and psychic lives of Asian Americans. Durham: Duke Univ. Press, 2019.
- Grinker 1998 — *Grinker R. R.* Korea and its futures: Unification and the unfinished war. New York: St. Martin's Press, 1998.
- Khanna 2006 — *Khanna R.* Post-palliative: Coloniality's affective dissonance // *Postcolonial Text*. Vol. 2. No. 1. 2006. URL: https://www.postcolonial.org/pct/article/viewArticle/385/815#_ednref2.
- Kim 2017 — *Kim S. S. H. Ch.* Korean han and the postcolonial afterlives of “The Beauty of Sorrow” // *Korean Studies*. Vol. 41. 2017. P. 253–279. <https://doi.org/10.1353/ks.2017.0026>.
- Lee 1996 — *Lee S. T.* Religion and social formation in Korea: Minjung and millenarianism. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1996.
- Mecorio et al. 2021 — *Mecorio F., Santangelo F., Jang, S., Kweon T., Gucciardo A. G.* Pansori today: aesthetic demands vs. vocal health // *Revista de Investigación e Innovación en Ciencias de la Salud*. Vol. 3. No. 2. 2021. P. 3–23. <https://doi.org/10.46634/riics.57>.
- Min 2009 — *Min S. K.* Hwabyung in Korea: Culture and dynamic analysis // *World Cultural Psychiatry Research Review*. Vol. 4. No. 1. 2009. P. 12–21.
- Mishra 2007 — *Mishra V.* The literature of the Indian diaspora: Theorizing the diasporic imaginary. London; New York: Routledge, 2007.
- Park 2015 — *Park M.* From shame to sympathy: Civilization and emotion in Korea, 1860–1920 // *Civilizing emotions: Concepts in nineteenth-century Asia and Europe* / Ed. by M. Pernau et al. Oxford: Oxford Univ. Press, 2015. P. 269–287.
- Park 2008 — *Park S.* Korean preaching, Han, and narrative. New York: Peter Lang, 2008.
- Park 2019 — Revisiting minjung: New perspectives on the cultural history of 1980s South Korea / Ed. by S. Park. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 2019.
- Seshadri-Crooks 2000 — *Seshadri-Crooks K.* At the margins of postcolonial studies: Part 1 // *The pre-occupation of postcolonial studies* / Ed. by F. Afzal-Khan, K. Seshadri-Crooks. Durham: Duke Univ. Press, 2000. P. 3–23.

Shin 2018 — *Shin M.* Korean national identity under Japanese colonial rule: Yi Gwang-su and the march first movement of 1919. London: Routledge, 2018. <https://doi.org/10.4324/9781315544717>.

Žižek 2000 — *Žižek S.* Melancholy and the act // *Critical Inquiry*. Vol. 26. No. 4. 2000. P. 657–681. <https://doi.org/10.1086/448987>.

References

- Bell, V. (1999). On speech, race and melancholia: An interview with Judith Butler. *Theory, Culture & Society*, 16(2), 163–174. <https://doi.org/10.1177/02632769922050593>.
- Butler, J. (1997). *The psychic life of power: Theories in subjection*. Stanford Univ. Press.
- Cho, G. M. (2008). *Haunting the Korean diaspora: Shame, secrecy, and the forgotten war*. Univ. of Minnesota Press.
- Cho, J. (2011). Mel-han-cholia as political practice in Theresa Hak Kyung Cha's *Dictée*. *Meridians*, 11(1), 36–61. <https://doi.org/10.2979/meridians.11.1.36>.
- Chu, S.-Y. (2008). Science fiction and postmemory han in contemporary Korean American literature. *MELUS*, 33(4), 97–121. <https://doi.org/10.17613/1qnm-a892>.
- Chung, P. S. (2009). *Constructing irregular theology: Bamboo and Minjung in East Asian perspective*. Brill.
- Chung Pang, K. Y. (1990). Hwabyung: The construction of a Korean popular illness among Korean elderly immigrant women in the United States. *Culture, Medicine and Psychiatry*, 14(4), 495–512. <https://doi.org/10.1007/BF00050823>.
- Eng, D. L., & Han, Sh. (2019). *Racial melancholia, racial dissociation: On the social and psychic lives of Asian Americans*. Duke Univ. Press.
- Freud, S. (1969). Trauer und Melancholie. In S. Freud. *Gesammelte Werke* (Vol. 10, pp. 428–446). Fischer-Verlag. (In German).
- Grinker, R. R. (1998). *Korea and its futures: Unification and the unfinished war*. St. Martin's Press.
- Khanna, R. (2006). Post-palliative: Coloniality's affective dissonance. *Postcolonial Text*, 2(1). https://www.postcolonial.org/pct/article/viewArticle/385/815#_ednref2.
- Kim, S. S. H. Ch. (2017). Korean *han* and the postcolonial afterlives of “The Beauty of Sorrow”. *Korean Studies*, 41, 253–279. <https://doi.org/10.1353/ks.2017.0026>.
- Lee, S. T. (1996). *Religion and social formation in Korea: Minjung and millenarianism*. Mouton de Gruyter.
- Mecorio, F., Santangelo, F., Jang, S., Kweon, T., & Gucciardo, A. G. (2021). *Pansori today: aesthetic demands vs. vocal health*. *Revista de Investigación e Innovación en Ciencias de la Salud*, 3(2), 3–23. <https://doi.org/10.46634/riics.57>.
- Min, S. K. (2009). *Hwabyung in Korea: Culture and dynamic analysis*. *World Cultural Psychiatry Research Review*, 4(1), 12–21.
- Mishra, V. (2007). *The literature of the Indian diaspora: Theorizing the diasporic imaginary*. Routledge.
- Park, M. (2015). From shame to sympathy: Civilization and emotion in Korea, 1860–1920. In M. Pernau et al (Eds.). *Civilizing emotions: Concepts in nineteenth-century Asia and Europe* (pp. 269–287). Oxford Univ. Press.
- Park, S. (2008). *Korean preaching, Han, and narrative*. Peter Lang.
- Park, S. (Ed.) (2019). *Revisiting minjung: New perspectives on the cultural history of 1980s South Korea*. Univ. of Michigan Press.

- Seshadri-Crooks, K. (2000). At the margins of postcolonial studies: Part 1. In F. Afzal-Khan, & K. Seshadri-Crooks (Eds.). *The pre-occupation of postcolonial studies* (pp. 3–23). Duke Univ. Press.
- Shin, M. (2018). *Korean national identity under Japanese colonial rule: Yi Gwangsu and the march first movement of 1919*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315544717>.
- Trotsevich, A. F. (2004). *Istoriia koreiskoi traditsionnoi literatury (do XX veka)* [History of Korean traditional literature (pre-20th century)]. Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russian).
- Žižek, S. (2000). Melancholy and the act. *Critical Inquiry*, 26(4), 657–681. <https://doi.org/10.1086/448987>.

Информация об авторе

Екатерина Александровна Клюйкова

кандидат филологических наук
доцент, кафедра русской литературы,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Россия, 614068, Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел.: + 7 (342) 2396-374
✉ kliuikova25@gmail.com

Information about the author

Ekaterina A. Kliuikova

Cand. Sci. (Philology)
Associate Professor, Department for Russian
Literature, Perm State University
Russia, 614068, Perm, Bukireva Str., 15
Tel.: + 7 (342) 2396-374
✉ kliuikova25@gmail.com